

ИГОРЬ СЕВЕРЯНИН: «Я ИЗБРАН КОРОЛЕМ ПОЭТОВ»

Стремительно достигший апогея всероссийской славы в годы первой мировой войны к началу второй мировой Игорь Северянин был полузабыт в Отчизне. Именно тогда, когда он расплескивал в стихах радость соединения с Россией после долгой разлуки.

Судьба была немилостива к нему, действуя по принципу известной песни: «то вознеся его высоко, то кинув в бездну без следа».

Родился Игорь Васильевич Северянин (настоящая фамилия Лотарев) 16 мая 1887 г. в Петербурге на Гороховой улице. Здесь прожил до десяти лет. Отец — из обедневших дворян, отставной штабс-капитан, железнодорожный служащий. Мать — дочь щигровского предводителя дворянства Шеншина. Семейная жизнь родителей на сложилась, и отец увез сына на Север. Отрочество и юность Игоря прошли на берегу Суды — «незаменимой реки».

Окончив четыре класса Череповецкого реального училища, в 1904 г. Игорь вернулся к матери, жил с нею в Гатчине. Север остался в его душе и светлой памятью, и сказочным привольем для поэтической фантазии. Белая кипень цветущих яблонь у деревянных теремов и каменных особняков уездного купечества на уютных череповецких улочках, белые груды черемух в деревнях и усадьбах, жемчужные белые ночи наполнят потом светом многие стихи, а потому он с первых публикаций взял псевдоним «Северянин».

Кто знает, попадалась ли ему в сети воспетая Державиным «шекснинска стерлядь золотая», но именно у северных рек ему улыбалось рыбацье счастье, и потом, в

самые горькие годы, рыбная ловля скрашивала грусть. Немало об этом строф, отмеченных высокой поэзией. Многие помнят «Это было у моря», многим нравится неповторимая ирония Северянина. Меньше знают его мастерские сонеты, в которых предстают портреты и характеры известных литераторов. В богатой по ритмике любовной лирике поэта есть яркие образы, но запоминается мудрая в простоте строфа:

Соловьи монастырского сада,
Как и все на земле соловьи,
Говорят, что одна есть отрада
И что эта отрада — в любви.

Привычно мнение, что только поздний Северянин оценил простоту и красоту реализма, но уже в его первых стихах пробиваются пушкинские и некрасовские мотивы: «А знаешь край, где хижины убоги». И там же: «Где вечно скорбь, где лица вечно строги». В 1907 г. в стихотворении «Поэту» молодой стихотворец призывает: «Не пой толпе!» и завершает:

Она груба, дика — она невежда,
Не лести же ей: лесь — счастье для раба,
А у тебя — в цари надежда...

Чувствуется переключка с одноименным пушкинским сонетом и тем же утверждением: «Ты царь: живи один».

Задолго до нашумевших эпатажных, полных иронии стихов молодой поэт, задумываясь о совестливости художника, написал в 1909 г. стихотворение «Я не лгал», в котором трижды повторяется с разным порядком слов строка: «Я не лгал никогда никому».

Северянина считали легковесным, а он серьезно задумывался о человеческих и социальных катаклизмах:

Дни розни партийной для нас безотрадны, —
Дни мелких, ничтожным страстей...
Мы так неуместны, мы так невопадны
Среди озверелых людей.

Под стихотворением стоит дата: 13 июля 1917 г. Анархисты, эсеры и большевики уже проводили бессудные расстрелы в стране, действовали прямо-таки по Белинскому: «Чтобы сделать счастливой малейшую часть человечества, я кажется, огнем и мечом истребил бы остальную». Бунин напоминал потом, что только в августе семнадцатого левые поставили к стенке более десяти тысяч невинных людей.

Удушающая напряженность давила на общество, страну, на душу поэта. Он предвидит оскотинивание корчащейся от голода страны. Вот кричащие горечью северянские строки:

И кланяйтесь в пояс голодному тифу —
Диктатору ваших интриг!

О чем думает Игорь Северянин в «холодную зиму голодного года в разгромленной чернью стране» как не о народе:

Мучительно думать о горе народа,
О жутком, о близком к нам — дне.

Хрупкую душу человека в смутное время живописует поэт:

Чем дальше, все хуже.
Все тягостней, все больней.
К счастью тропинка уже
И ужас уже на ней...

И все же в захлебывающемся кровью Петрограде, население которого свирепствующая ВЧК сократила с 2,5 млн. до 860 тыс. человек, у Северянина теплится надежда:

Минуют, пройдут времена самосуда,
Убийц обуздает народ.
Поля позлатеют от хлебного гуда,
И песню живой запоет.

Если говорить о пророчествах Игоря Северянина, то они порой ошеломляют: в 1914-м он предвидел 1941-й.

Поэт разглядел звериное нутро первого футуриста и первого фашиста Италии да и всего мира, духовного отца Маяковского и Муссолини, главного советника дуче-Маринетти. В то время, часто наезжая в Петербург, Маринетти был кумиром всех беснующихся, особенно футуристов. Его воинствующая русофобия привела Маяковского к мысли, что надо сбросить с корабля современности Пушкина, Лермонтова, Толстого, Достоевского. В биографии он писал: «Стал ненавидеть все славянское, русское», да и в стихах оставался рьяным боевиком: «Время пулям по стенкам музеев тенькать».

А у Северянина другая реакция на вдохновителя фашистов:

Лишил невинности мое
Святое тело Маринетти!..
Антихрист! Антихрист! Маклак!
Моденизированный Иуда!

В стихотворении звучит голос всей содрогнувшейся Земли.

Если серьезнее вчитаться во многие нашумевшие «поэзы» Северянина, видно: поэт высмеивал фальшь, бездушие, невежество. В них была и самоирония, но ощутимей — сарказм над убогим обезьяньим подражанием всему заграничному: «Весь я в чем-то норвежском! Весь я в чем-то испанском!» И ныне теряющие корни, отравленные массовой культурой, зачумленные всякой бесовщиной мечутся: «Из Москвы — в Нагасаки! Из Нью-Йорка — на Марс!»

В переломный для своей судьбы 1918-й поэт пишет «Двусмысленную славу»:

Во мне выискивали пошлость,
Из виду упустив одно:
Ведь кто живописует площадь,
Тот пишет кистью площадной.

27 февраля 1918 г. на вечере в Политехническом музее Северянин избирается королем поэтов.

Я избран королем поэтов
На зависть нудной мошкаре.

И даже здесь главная его забота:

Я избран королем поэтов —
Да будет подданным светло!

Вскоре после этого Северянин едет в Эст-Тойлу, где всегда проводил весну и лето. Немецкая оккупация Эстонии и образование самостоятельной республики оторвали поэта от России.

Прощайте, русские уловки:
Въезжаем в чуждую страну...
Бежать нельзя: вокруг винтовки.
Мир заключен, но мы в плену.

Началась полунищенская жизнь и боль за то жуткое, что творилось в России. О том, как ему жилось, можно судить по его стихам. Вот «Поэза правительству» в 1919 г.:

Правительство, лишившее субсидий
Писателя, вошедшего в нужду,
Себя являет в непристойном виде
И вызывает в нем к себе вражду.

Выводы определены:

Правительство, грозящее цензурой
Мыслителю, должно позорно пасть.

Страшно в наше время перечитывать «Поэзу душевной боли»:

Уходите вы, могикане,
Последние, родной страны...
Грядущее — оно в тумане...

Пронзительна последняя строфа:

В России тысячи знакомых,
Но мало близких. Тем больней,
Когда они погибли в громах
И молниях проклятых дней.

Северянин вдруг внезапно осознает, что Россия, весь мир страдают от заговора темных сил:

Вселенная — театр. Россия — это сцена.
Европа — ярусы. Прибалтика — партер.
Америка — «раек». Трагедия — «Гангрена».
Актеры — мертвецы. Антихрист — их премьер.
Но сцена им мала: обширная арена —
Стремление их. Они хотят безграничных сфер...

Поэт говорит о патологическом бреде мировой революции, в котором, безумствуя, Ленин и Троцкий не только залили кровью Россию при помощи фактически наемных красных латышских стрелков, но, дойдя до Варшавы, собирались бросить войска в Германию, а Троцкий уже и на Индию шел походом. Кстати, те, кто излишне винит Николая II в бесславной русско-японской войне, сравнили бы с поражением Ленина, Троцкого и Тухачевского в советско-польской. Было загублено вчетверо больше, а 75 тысяч красноармейцев, попав в плен умерли от голода в польских лагерях. Ленин отдал Польше громадные земли с большим населением и 40 тонн золота из 3 тысяч тонн оставшихся от Николая II. А сколько золота было отдано по похабному Брестскому миру Германии, а еще Литве, Латвии, Эстонии, а в России был страшный голод.

В стихотворении «На смерть Александра Блока» он восклицает: «Кого теряешь ты ныне? Боюсь, не слишком ли многое?» Сильна патриотическим чувством последняя строфа:

Пусть варваром Запад зовет
Ему непосильный Восток!
Пусть смотрит с презреньем в лорнет
На русскую душу: глубок
Страданья очищенный взлет,
Какого у запада нет.
Вселенную, знайте, спасет
Наш варварский русский Восток.

Замечательна по лаконичности и чистоте душевной, сыновней «Запевка»:

О России петь — что стремиться в храм
По лесным горам, полевым коврам...

О России петь — что весну встречать,
Что невесту ждать, что утешить мать...

О России петь — что тоску забыть,
Что Любовь любить, что бессмертным быть!

1925

Еле сводя концы с концами, Северянин упорно работает. Хотя и жена у него была эстонка по национальности (поэтесса), и Игорь Васильевич из всех сил пытался сделать больше для эстонской литературы, народа (много переводил эстонских поэтов, издал антологию эстонской классической поэзии и переводы эстонского поэта А. Раннита «В оконном переплете»), его все больше обу-ревала невыразимая тоска по России:

Но дни идут — уже стихаю грозы,
Вернуться в дом Россия ищет троп...
Как хороши, как свежи будут розы,
Моей страной мне брошенные в гроб!

И оттого, что он не мог при всем желании срастись с другой культурой, привычками, традициями, нравом другого народа, бредил:

И зарыдаю, молясь весне.
И землю русскую целую.

Порой и сам Игорь Васильевич не мог понять, осмыслить, как рядом с Псковщиной, близко от Петрограда, где он так недавно блистал, он живет непонимаемым, как на другой планете. Радость в те годы ему доставляла поездка в далекий Белград. Он растроганно плакал, когда его радушно встречала одноплеменная Сербия. И братья славяне, и большая в то время колония русских, и чудом

ущевшая дочь сербского короля, невестка почитаемого им поэта и великого князя Константина Романова, горькая вдова забитого в Алапаевске прикладами Иоанна Константиновича, проявившая трогательное участие к поэту, — все старались, как ему казалось, повернуть время вспять. Радостно для него, как для поэта, было держать свой сборник стихов, вышедший в Белграде.

А встреча с горячо любимой Отчизной все отодвигалась, и с чувствами, от которых разрывалось сердце, в стихотворении «За Днепр обидно» он, видя глазающих туристов, негодовал:

Не понимающий России,
Не ценящий моей страны
Глядит на Днепр в часы ночные
В сиянье киевской луны!

2 апреля 1936 г. болеющий Игорь Васильевич в стихотворении «Грустный опыт» говорит: «Пора домой». Повествуя читателю, «чем дом покинутый хорош», заключает:

Имея свой, не строй другого,
Всегда довольствуйся одним.
Чужих освоить бестолково:
Чужой останется чужим.

8 сентября 1940 г., когда немногим более года оставалось жить, поэт пишет «Стихи о реках»:

И грезы ломкие и хрупкие
Влекут к волнующему сну:
Я снова вижу реки русские —
Нелазу, Суду и Шексну.

Игоря Васильевича лечат воспоминания о детстве в северорусской стороне. Представляется ему сказочно-близкое и родное. И вот, наконец, вроде бы границы с Россией не стало:

И брови хмурые, суровые
Вдруг проясняются, когда
Поймешь: Россонь слита с Наровою,
И всюду — русская вода!..

Игорю Васильевичу не суждено свидеться с Россией. Поэт беспредельного полета мечты, поэт света умер в самую длинную ночь 22 декабря 1941 г. в оккупированной фашистами Эстонии. Стихи его, как и стихи Есенина, стали пробиваться к читателю при некотором ослаблении русофобии, но, однако, так и не дошли до него в полной мере. Критика до сих пор не оценила высокого национального звучания и глубокого содержания его поэзии. А ведь все то, что пережил он, сейчас переживают полмиллиона русских в Эстонии и десятки миллионов наших соплеменников, снова, уже в который раз, оказавшихся в разных частях распадающегося государства, как на раскалывающейся льдине.

Трагедия Северянина — это и трагедия избитой, оборванной, обескровленной в гражданской войне русской культуры. Не дай Бог ей, снова стремительно нищающей и всеми теснимой даже на родной земле, оказаться Золушкой.

*Г-ты «Литературная Россия», «Декада», «Лесные новости»,
ж-л «Известия культуры России»*